

© 2023 г. И.Э. МАГАДЕЕВ

БЕРЛИН – КУБА: ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИЗИСОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ СВЕРХДЕРЖАВ (1961–1962)

Магадеев Искандэр Эдуардович — доцент Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; Researcher ID: M-4145-2014

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)»).

Аннотация. Цель статьи — выявить реальные и потенциальные взаимосвязи между Берлинским и Карибским кризисами в стратегических оценках руководства СССР и США в 1961–1962 гг. В оценках современников (государственных деятелей, дипломатов, военных и разведчиков двух сверхдержав) кризисы, происходившие по обе стороны Атлантики, не были разрозненными явлениями, а находились в своеобразном «сопряжении». Источниковую базу работы составили опубликованные и архивные документы, зафиксировавшие вариативные оценки советским и американским руководством Берлинского и Карибского кризисов. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что в стратегических оценках руководства сверхдержав в 1961–1962 гг. Берлинский и Карибский кризисы были связаны друг с другом многочисленными нитями. Кремль, настроенный в отношении берлинской ситуации максимально решительно до августа 1961 г., затем использовал «берлинский вопрос» для камуфлирования собственных приготовлений на Кубе. Для Белого дома строительство Берлинской стены не явилось столь выраженным рубежом в развитии кризиса, как для Кремля. В 1961–1962 гг. в Вашингтоне опасались, что СССР не оставил намерений тем или иным образом выдвинуть западные войска из Берлина; на протяжении долгого времени «кубинский вопрос» рассматривался американскими аналитиками через призму берлинского, а не наоборот. «Переключка» между кризисами отмечалась в стратегических оценках руководства сверхдержав, что влияло на оценки и действия СССР и США на пике холодной войны.

Ключевые слова: СССР, США, холодная война, Берлинский кризис, Карибский кризис, Дж.Ф. Кеннеди, Н.С. Хрущев, внешняя политика, международные отношения.

I.Ed. Magadeev

Berlin – Cuba: The Interrelationship of the Cold War Crises in the Strategic Assessments of the Superpowers 1961–1962

Iskander Magadeev, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO–University) (Moscow, Russia).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; Researcher ID: M-4145-2014

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00622 “Strategic culture of the Great Powers in the XX–XXI centuries: comparative-historical research (on the example of Russia and the USA)”).

Abstract. The purpose of this study is to identify real and potential interconnections between the Berlin and the Cuban crises in the strategic assessments of the Soviet and U.S. leadership in 1961–1962. Author demonstrates that the contemporaries (political leaders, diplomats, military and intelligence experts of the two superpowers) saw the two, the most dangerous crises of the Cold War not as separate events but as those ones which could intensify each other. Essay is based on the variety of published and archival evidence on the Soviet and U.S. estimates made in 1961–1962. Article concludes that Moscow and Washington judged the Berlin and the Cuban Crises as inter-related in many ways. The Kremlin, being vigorously determined to solve the “Berlin question” before August 1961, changed its tactics after the construction of the Wall and tried to use the situation around the West Berlin as a means to camouflage the Soviet actions in regard to Cuba. For the White House, the August 1961 wasn’t the clear termination of the Berlin Crisis. In 1961–1962, there were numerous voices in Washington which speculated that USSR didn’t abandon its attempts to force the Western troops out of Berlin. For a long period of time, the U.S. decision-makers regarded the “Cuban question” through the lens of the Berlin one. Though the relationship between Berlin and Cuban Crises didn’t materialise, it influenced seriously the strategic estimates of the superpowers and, through the estimates, made an impact on the Soviet and U.S. actions at the height of the Cold War.

Keywords: USSR, USA, Cold War, Berlin crisis, Caribbean crisis, John F. Kennedy, Nikita Khrushchev, foreign policy, international relations.

Второй Берлинский и Карибский кризисы традиционно рассматриваются в историографии как едва ли не самые опасные кризисы холодной войны. Тогда СССР и США остановились в шаге от прямого вооруженного столкновения с перспективой его перерастания в термоядерную войну глобального масштаба. Согласно одной из исследовательских оценок, «Берлинский и Карибский кризисы стали событиями, когда каждая из сторон в последний раз серьезно предполагала возможность нанесения “превосходящего первого удара”. После этих кризисов тот, кто ударил бы первым, должен был ожидать, что в ответ по его национальной территории ударят сотни, а возможно, и тысячи ракет»¹.

Осознание колоссальных ставок, которые стояли на кону в 1958–1962 гг., очевидно, присутствовало уже у современников событий. Так, 7 мая 1961 г. во время встречи Североатлантического совета в Осло министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль, не исключая дальнейшей эскалации Берлинского кризиса (подписание Советским Союзом мирного договора с ГДР и требование вывода западных войск из Берлина), призвал определиться, «собираемся ли мы с Москвой договариваться... или начинать войну»². В послании от 26 октября 1962 г., адресованном президенту США Дж.Ф. Кеннеди, глава

¹ Kaplan F. The Wizards of Armageddon. 2nd ed. Stanford, 1991. P. 306.

² Цит. по: Buffet C. De Gaulle, the Bomb and Berlin: How to Use a Political Weapon // The Berlin Wall Crisis: Perspectives on Cold War Alliances / eds J.P.S. Gearson, K. Schake. Basingstoke, 2002. P. 86.

советского правительства Н.С. Хрушев подчеркнул взаимную заинтересованность сверхдержав избежать «катастрофы термоядерной войны»³.

Несмотря на значимость обоих кризисов для судеб мира и динамики холодной войны, их взаимосвязь друг с другом, казалось, не была очевидной. Берлин и Куба не только географически разделены тысячами километров, но и в политико-дипломатическом отношении берлинский и кубинский «вопросы» относились совсем к разным сферам: первый проистекал из наследия Второй мировой войны и был частью более широкого «германского вопроса»; второй был связан с революционным подъемом в Латинской Америке, попыткой укрепления СССР в традиционной сфере влияния США и асимметричным балансированием американского стратегического превосходства. Одна из распространенных в историографии датировок второго Берлинского кризиса – с 27 ноября 1958 г. (так называемый «ультиматум Хрущева») до 13 августа 1961 г. (начало возведения Берлинской стены) – также создавала впечатление разделенности во времени событий в Берлине и на Кубе⁴. Вместе с тем наличие иных точек зрения о хронологических рамках Берлинского кризиса (с 1958 по 1962 г. или даже по 1963 г.)⁵ само по себе заставляло задуматься о наложении кризисов холодной войны друг на друга и пусть и опосредованном, но взаимовлиянии⁶. Ряд исследователей уже отмечал подобную взаимосвязь, однако нередко в центре внимания оказывались политико-дипломатические оценки двух кризисов советскими и американскими деятелями⁷. Расширение источниковой базы и введение в научный оборот новых документов позволяет дополнить имеющуюся историографию вопроса за счет более пристального изучения стратегических оценок тех последствий, которые могли вытекать из увязки кризисов.

Цель статьи – выявить реальные и потенциальные взаимосвязи между Берлинским и Карибским кризисами с акцентом на стратегические оценки, предлагаемые руководством СССР и США в 1961–1962 гг. По мнению современников (государственных деятелей, дипломатов, военных и разведчиков), события, происходившие по обе стороны Атлантики, не были разрозненными явлениями, а могли вступить в своеобразное сопряжение. Анализ этого позволит углубить понимание советско-американского конфликтного взаимодействия в 1961–1962 гг., а также будет способствовать расширению представлений о концепциях глобального противостояния, которые имелись у государственных деятелей сверхдержав в годы холодной войны.

Источниковую базу исследования составили документы, связанные с деятельностью первого заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна в период Карибского кризиса и по его окончании, собранные его младшим сыном историком

³ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1961–1963. Vol. 6. Washington, 1996. P. 177.

⁴ Пилько А.В. НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 82–97; Борисова К.А., Манькин А.С. Влияние Берлинского кризиса на формирование архитектуры европейской безопасности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2021. № 5. С. 10–17; Филипов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2021. С. 226, 253.

⁵ Зубок В.М., Водопьянова З.К. Советская дипломатия и берлинский кризис (1958–1962) // Холодная война. Новые подходы. Новые документы / отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 258–274. Доведение хронологии второго Берлинского кризиса до 1963 г. зафиксировано и в документальной публикации Госдепартамента США. См.: FRUS, 1961–1963. Vol. 15. Berlin Crisis, 1962–1963. Washington, 1994.

⁶ Trachtenberg M. The Making of the European Settlement, 1945–1963. Princeton, 1999. P. 247, 251.

⁷ Ausland J.C. Kennedy, Khrushchev, and the Berlin-Cuba Crisis, 1961–1964. Oslo, 1996; White M. Missiles in Cuba: Khrushchev, Castro and the 1962 Crisis. Chicago, 1998; Bemtug Г. Н.С. Хрушев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007; Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева: тайная история противника Америки. М., 2018; Sayle T.A. Enduring Alliance: A History of NATO and the Postwar Global Order. Ithaca, 2019.

С.А. Микояном⁸; протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС⁹; опубликованные американские дипломатические и разведывательные документы¹⁰; архивные материалы, которые отражали стратегические оценки руководства США, стекавшиеся в Белый дом и отложившиеся затем в фондах президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди¹¹; подборка документов по взаимодействию США с союзниками по НАТО, собранная сотрудниками некоммерческой организации Национальный архив безопасности (функционирует при Университете Дж. Вашингтона в США)¹²; подборка документов из архивов 23 стран, выпущенная к 50-летию Кубинского кризиса¹³.

Особый интерес представляют материалы заседаний специального подкомитета Берлин – НАТО во главе с заместителем министра обороны США по международным вопросам П. Нитце. Эта структура была образована 23 октября 1962 г. в составе ключевого американского органа по принятию решений в период Кубинского кризиса – Исполнительного комитета Совета национальной безопасности (СНБ). Подкомитет Нитце был призван изучить потенциальные последствия, которые ситуация вокруг Кубы могла иметь для состояния «берлинского вопроса»¹⁴.

То, что советско-американская напряженность в одной из «горячих точек» холодной войны могла повлиять на ситуацию в других регионах земного шара и трансформировать стратегическую обстановку в них, отмечали современники уже с первых острых кризисов в отношениях СССР и США.

Так, в период Корейской войны 1950–1953 гг. американские и британские власти отнюдь не исключали, что Советский Союз попытается воспользоваться вовлеченностью англо-американских сил в конфликт на Дальнем Востоке для того, чтобы активизировать свои действия в других частях света. В 1950–1951 гг. в кабинете министров Великобритании полагали, что новые опасные точки могут возникнуть на пространстве от Берлина и Югославии до Ирана и Юго-Восточной Азии (Индокитай, Малайя, Индия и Пакистан)¹⁵. Широкий был спектр потенциальных точек для советских наступательных действий, обозначенный в докладе американского СНБ от 25 августа 1950 г.: «Основными территориями, где применение советских сил не приведет к началу глобальной войны из-за нападения на американские войска или на страну – члена НАТО, являются Иран, Турция, Югославия, Греция, Афганистан, Пакистан или Финляндия»¹⁶. В октябре того же года Комитет начальников штабов (КНШ) и Госдепартамент США полагали «неразумным с военной точки зрения» отправлять дополнительное число крупных

⁸ Факсимильные копии документов были переданы С.А. Микояном в американскую некоммерческую организацию Национальный архив безопасности. См.: Personal Archive of Sergo Mikoyan // National Security Archive (далее – NSA). URL: <https://nsarchive.gwu.edu/russian-pages/cuban-missile-crisis> (дата обращения: 01.06.2023).

⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003.

¹⁰ CIA Documents on the Cuban Missile Crisis / ed. M.S. McAuliffe. Washington, 1992; FRUS, 1961–1963, Vol. 15.

¹¹ Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. National Security Files. Countries. Germany: Berlin: General, October 1962 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum (далее – JFKPLM). JFKNSF-085-002. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/085/JFKNSF-085-002> (дата обращения: 01.06.2023).

¹² The Cuban Missile Crisis @ 60: Briefing NATO Allies // NSA. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault-cuba-cuban-missile-crisis/2022-10-21/cuban-missile-crisis-60-briefing> (дата обращения: 01.06.2023).

¹³ The Global Missile Crisis at 50: New Evidence from Behind the Iron, Bamboo, and Sugarcane Curtains, and Beyond // Cold War International History Bulletin. 2012. № 17–18.

¹⁴ Minutes of Meeting of the Executive Committee of the National Security Council, 23 October 1962 // JFKPLM. URL: <https://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct23/doc2.html> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁵ Советско-британские отношения в 1943–1954 гг. Документы и материалы / под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада. М., 2021. С. 795–797.

¹⁶ FRUS. 1950. Vol. 1. Washington, 1977. P. 380.

самолетов в Корею. Они могли понадобиться для организации воздушного моста в случае возможной советской блокады Берлина или Вены¹⁷.

Наличие прямой или опосредованной связи между различными фронтами холодной войны учитывал тогда и И.В. Сталин. 27 августа 1950 г. он писал президенту Чехословакии К. Готвальду, что «Соединенные Штаты Америки отвлечены теперь от Европы на Дальнем Востоке. Дает ли все это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно, дает»¹⁸. Задействование крупных сил США в Юго-Восточной Азии и опосредованное столкновение Вашингтона с Пекином были предпочтительнее для Сталина, чем конфликт в Старом Свете.

Наложение кризисов вокруг Кубы и Берлина было заметно уже весной-летом 1961 г. Тогда разделенный город казался «наиболее вероятной ареной конфликта» сверхдержав¹⁹. Вместе с тем высадка частей кубинских эмигрантов в заливе Свиней 17 апреля 1961 г., которая была осуществлена при поддержке американских властей, усугубила положение революционной Кубы. Обсуждая провал этой операции с Р. Никсоном через три дня после ее начала, Дж. Кеннеди отметил невозможность рассматривать ситуацию вокруг Кубы изолированно. Полагаясь на мнение экспертов, которым он доверял (эксперт-международник У. Липпман и дипломат Ч. Болен), президент США пришел к выводу, что, «если мы двинемся на Кубу, имеется большая вероятность, что Хрущев двинется на Берлин. Я полагаю, что мы не можем пойти на подобный риск»²⁰.

Действительно, глава советского правительства был тогда настроен решительно. Хрущев заверил Кеннеди, что СССР готов оказать кубинскому правительству всю необходимую помощь для отражения агрессии, и предупредил: текущая стратегическая ситуация в мире такова, что конфликт в одной части света может запустить цепную реакцию в других уголках земного шара²¹. Последнее замечание было особенно актуальным в условиях продолжавшегося Берлинского кризиса. В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1961 г. было зафиксировано, что надо «твердо идти на заключение мирного договора с ГДР», хотя при этом «США могут пойти на развязывание войны» (А.И. Микоян и министр иностранных дел А.А. Громыко при этом не верили в возможность войны из-за Берлина). Рассуждая о возможности блокады Западного Берлина и исходя из вероятного повторения сценария 1948–1949 гг. (американский воздушный мост), Хрущев особо отметил: «Нам надо проявить твердость и, если надо будет, пойти на сбитие самолетов»²².

27 июля 1961 г., обсуждая с членами КНШ условия эвентуального применения США ядерных вооружений, Кеннеди подчеркнул сложность ведения войны в Центральной Европе конвенциональными средствами ввиду превосходства стран Организации Варшавского договора (ОВД) по обычным вооружениям: «Важно иметь возможность использовать ядерные вооружения в решающий момент, до того, как они (Советы. — И.М.) используют их»²³. Даже 19 сентября 1961 г. на фоне кажущегося снижения остроты Берлинского кризиса президент США, со слов генерала М. Тэйлора, подчеркивал, что «в результате развития положения дел под Берлином ситуация может сложиться так, что желательным окажется взять на себя инициативу в эскалации локального конфликта и трансформировать его во всеобщую войну». Кеннеди особенно интересовало мнение

¹⁷ Coleman D.G. The Berlin-Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War // Australasian Journal of American Studies. 1999. Vol. 18. № 1. P. 24.

¹⁸ Ледовский А.М. Из Архива Президента РФ. Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 97.

¹⁹ Фурсенко А.А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса. М., 2006. С. 189.

²⁰ Цит. по: White M. The Cuban Missile Crisis. Basingstoke, 1996. P. 40.

²¹ From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State, 18 April 1961 // FRUS, 1961–1963. Vol. 6. P. 8.

²² Президиум ЦК КПСС. С. 498–499.

²³ FRUS. 1961–1963. Vol. 8. Washington, 1996. P. 123.

председателя КНШ генерала Л. Лемницера, «сможем ли мы достичь эффекта неожиданности, т.е. [нанесения удара] через 13 или менее минут после приказа»²⁴. О возможности «нанесения разоружающего удара по советским ядерным силам» в случае эскалации ситуации вокруг Берлина президент США задумывался даже во время Карибского кризиса²⁵.

Беседуя с Д. Эйзенхауэром 20 сентября 1962 г., президент-демократ заявил своему предшественнику-республиканцу, что наличие американских и союзных войск в Западном Берлине было единственной веской причиной для того, чтобы «мы акцентировали необходимость укрепления конвенциональных сил [европейских членов НАТО]». С точки зрения Кеннеди, крупное продвижение даже конвенциональных сил ОВД в Центральную и Западную Европу «быстро приведет к ядерной войне»²⁶.

Таким образом, тезис о потенциальной увязке берлинского и кубинского «вопросов» присутствовал как в американских, так и советских стратегических оценках уже в 1961 г. По мере обострения ситуации вокруг Кубы в июне-сентябре 1962 г. и фиксируемого американцами прибытия советского оружия (как считалось, пока оборонительного характера, прежде всего — средств ПВО²⁷) вопрос, как эти процессы скажутся на положении Западного Берлина, все больше интересовал Вашингтон.

В публичном поле потенциальное «сопряжение» двух кризисов фигурировало значительно реже, чем в закрытых оценках. Заявление ТАСС от 11 сентября 1962 г., посвященное главным образом осуждению американских действий против Кубы и опровержению отправки советских ракет с ядерными боеголовками на остров Свободы, содержало пассаж и по «германскому вопросу»: «Советское правительство, как и прежде, стоит за быстрейшее заключение германского мирного договора и урегулирование на его основе положения в Западном Берлине. Эта задача должна быть решена, и она будет решена»²⁸. В Госдепартаменте США подобные тезисы были восприняты как намек Москвы на существование «некоего сопряжения между Берлином и Кубой», упоминаний о котором в последующем советская сторона всячески стремилась избегать²⁹. Американские государственные деятели, отрицая «какие-либо логические связи» между берлинским и кубинским «вопросами», стремились противопоставить их, используя идеологические штампы. Согласно Нитце, «граждане Западного Берлина хотят, чтобы союзные войска располагались на их территории, в то время как поработенный народ Кубы желает, чтобы советские силы и вооружения были выведены»³⁰.

Вашингтон волновала увязка реальных советских действий на обоих направлениях. В беседе с послом Франции Э. Альфаном 7 сентября 1962 г. госсекретарь США Д. Раск отметил, что обострение в Берлине более вероятно, чем на Кубе³¹. Тогда Вашингтон воспринимал «берлинский вопрос» как источник более серьезных угроз, чем наращивание советских вооружений в Карибском море. Помощник вице-президента Л. Джонсона по военным вопросам Г. Беррис 18 сентября информировал своего шефа, что «сведения, приходящие из различных источников, заставляют предполагать, что Хрушев сформировал расписание действий для разрешения берлинской проблемы на собственных условиях»³². От идеи о возможном сокращении гарнизона в Западном Берлине отказались.

²⁴ Taylor to Lemnitzer, 19 September 1961 // NSA. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB56/BerlinC3.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

²⁵ Bundy to Rusk, McNamara, Taylor, 15 October 1962 (Draft) // JFKPLM.

²⁶ Цит. по: *Gavin F.J. The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s* // *The International History Review*. 2001. Vol. 23. № 4. P. 862.

²⁷ Memorandum of Conversation between Rusk and Alphand, 7 September 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 312.

²⁸ Известия. 11.IX.1962.

²⁹ Department of State to the Mission to the NATO and European Regional Organizations, 7 November 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 420.

³⁰ Nitze for ExComm, 26 October 1962 // JFKPLM.

³¹ FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 312–313.

³² Ibid. P. 324.

Как суммировал тогдашний настрой Белого дома советник президента по национальной безопасности М. Банди, «Берлин является в настоящее время самым важным местом в мире»³³.

Наличие взаимосвязи между берлинским и кубинским «вопросами» хорошо осознавали и в Москве. Согласно свидетельству сотрудника Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ф.М. Бурлацкого, Кремль рассчитывал, что размещение ракет на Кубе «создаст новые условия для переговоров с Соединенными Штатами». Этот шаг мог привести к американскому «признанию Восточной Германии, а также упрочению нового статуса Западного Берлина и послевоенных границ»³⁴.

Все же в системе приоритетов Кремля «кубинский вопрос» летом-осенью 1962 г., очевидно, стоял выше, чем берлинский. Об этом говорил сам масштаб ставок, связанных с размещением советских ракет на Кубе, и готовность Москвы принять максимально серьезные последствия, которые могли вытекать из данного шага. В указании за подписью министра обороны СССР маршала Р.Я. Малиновского и начальника Генштаба Вооруженных сил СССР маршала М.В. Захарова, составленном 8 сентября 1962 г. и переданном командующему группой советских войск на Кубе генералу армии И.А. Плиеву, среди прочего было отмечено: «Ракетным войскам, составляющим основу обороны Советского Союза и о. Куба, быть в готовности по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим объектам Соединенных Штатов Америки»³⁵. Позднее, во время переговоров с кубинским руководством, состоявшихся 4 ноября 1962 г., Микоян доказывал, что «берлинский вопрос» был в рамках советской политики подчинен кубинскому: «Мы дали знать американцам, что хотим решить берлинский вопрос в ближайшее время. Это было сделано для того, чтобы отвлечь их внимание от Кубы. ...На самом деле мы совсем не собирались решать берлинский вопрос в это время»³⁶.

Действительно, как свидетельствуют материалы заседаний Президиума ЦК КПСС, в Москве уже в январе 1962 г. считали, что «мирный договор и нейтрализация Зап. Берлина — сейчас недостижимы». Более того, частичная «заморозка» кризиса после строительства Берлинской стены рассматривалась в Кремле как более выгодная для СССР, нежели для США и их союзников: «После 13 августа кость в горле беспокоит больше западников. ...Лучше иметь Берлин для обострения с Западом, чем пойти им на уступки за счет суверенитета ГДР»³⁷. Как отдельно подчеркивал Хрущев 8 января 1962 г., «эта кость нас беспокоила больше до 13 августа, чем сейчас, после 13 августа. ...Так не нам вырывать эту кость, чтобы оживлять жизнь Западного Берлина». При этом он призывал «готовиться к окончательной схватке по Западному Берлину», но в некоторой более или менее отдаленной перспективе³⁸. Микоян также стремился заверить советских военных, находившихся на Кубе, что «раньше Берлин был открытым, туда они лезли, могли восстание поднять, шпионить — что хотите. Теперь возвели стену в Берлине, и никто не может. ГДР как крепость стала, а они в мышеловке сидят в Западном Берлине»³⁹.

Вместе с тем позиция Хрущева по «берлинскому вопросу» оставалась волатильной; нельзя исключить, что состояние «кубинского вопроса» оказывало на эти трансформации

³³ Memorandum of Conversation between Bundy and Brandt, 25 September 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 329.

³⁴ Цит. по: White M. The Cuban Missile Crisis. P. 77.

³⁵ Командующему Группой советских войск на о. Куба, 8 сентября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoyan.

³⁶ Запись беседы Микояна с Ф. Кастро, Дортикосом, Р. Кастро, Геварой, Арагонесом и Родригесом, 4 ноября 1962 г. // Ibidem.

³⁷ Протокол № 11. Заседание 8 января 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. С. 535–536.

³⁸ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС, 8 января 1962 г. // Там же. С. 537–538, 540.

³⁹ Выступление Микояна на Военном совете группы Плиева, 21 ноября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoyan.

свое влияние. Постепенный дрейф в сторону решения об отправке ракет на Кубу стимулировал главу советского правительства смягчить свою точку зрения по Западному Берлину: «Взять курс на соглашение (с ГДР. — *И.М.*), если согласиться на временное пребывание их войск в Зап. Берлине. ...Выгод больше, если взять курс на соглашение», — отмечалось на заседании Президиума ЦК КПСС 28 апреля 1962 г.⁴⁰ 1 июля того же года, в условиях уже начавшейся реализации операции «Анадырь» по переброске военнослужащих и военной техники на Кубу, Хрущев стремился смягчить градус напряженности вокруг Берлина. Тогда он был готов рассматривать различные компромиссные варианты урегулирования «берлинского вопроса» с западными державами (сокращение западных контингентов наполовину с введением контингента ООН на шесть лет и постепенной заменой войск западных держав).

Обнаружение 14 октября американской разведкой на Кубе советских ракет средней дальности, способных нести ядерные вооружения, и верификация этого факта через день⁴¹ придали вопросу о потенциальной взаимосвязи Берлинского и Карибского кризисов новую остроту. За несколько дней до этих событий во время беседы с Кув де Мюрвилем в Вашингтоне Кеннеди полагал, что Москва смотрит на «кубинский вопрос» через призму берлинского: «Президент заявил, что в результате советских действий на Кубе возможность достичь соглашения по Берлину резко сократилась»⁴².

16 октября на закрытой встрече с представителями ведущих американских СМИ Кеннеди сформулировал свое видение текущей международной ситуации. Согласно информации, полученной посольством СССР в США, президент подчеркнул тогда возможность «первоначального кризиса» вокруг Берлина в период до Рождества текущего года. Он также отметил сохраняющуюся непримиримость американской и советской позиций по данному вопросу и не исключил возможности силового столкновения⁴³. Суммируя настрой американских властей после получения информации о наличии советских ракет на Кубе, Госдепартамент отметил, что в Вашингтоне продолжали исходить из того, что «советские действия, вероятно, были прежде всего привязаны к решительному столкновению в Берлине. Это столкновение могло состояться в период визита Хрущева в США (для участия в 17-й Генассамблее ООН. — *И.М.*) и завершения установки ракет на Кубе»⁴⁴.

По мере эскалации Кубинского кризиса в подходах администрации Кеннеди к вопросу, как связана ситуация вокруг Кубы и Берлина, наблюдалась эволюция: во-первых, опасения по поводу скорого давления СССР на западные войска в Берлине нарастали; во-вторых, «кубинский вопрос» стал приоритетным для самих США.

Встреча Кеннеди с Громыко, состоявшаяся 18 октября в Вашингтоне, подогрела опасения американцев о возможных действиях в Берлине. Тогда советский министр предупредил президента, что СССР будет вынужден (Громыко сделал акцент на этом слове) подписать сепаратный договор с ГДР, если переговоры с США по различным аспектам «германского вопроса» зайдут в тупик⁴⁵. Встреча Громыко с Раском прошла в еще более напряженной атмосфере⁴⁶.

То, что Громыко напрямую отрицал поставку советских наступательных вооружений на Кубу, хотя американцы уже знали об их наличии на острове, лишь подлило масла в огонь.

⁴⁰ Президиум ЦК КПСС. С. 554.

⁴¹ О шокирующем воздействии этого факта см.: *Cline R.S.* A CIA Reminiscence // *Washington Quarterly*. 1982. Vol. 5. № 4. P. 88–92.

⁴² Memorandum of Conversation between Kennedy and Couve de Murville, 9 October 1962 // *FRUS*, 1961–1963. Vol. 15. P. 355.

⁴³ From A.F. Dobrynin to Soviet Foreign Ministry, 19 October 1962 // *Cold War International History Bulletin*. 1996/1997. № 8–9. P. 278.

⁴⁴ Department of State to Certain Diplomatic Missions, 24 October 1962 // *FRUS*, 1961–1963. Vol. 15. P. 398–399.

⁴⁵ Memorandum of Conversation between Kennedy and Gromyko, 18 October 1962 // *Ibid*. P. 371–372.

⁴⁶ Memorandum of Conversation between Rusk and Gromyko, 18 October 1962 // *Ibid*. P. 376–387.

Отныне советского министра стали рассматривать в СНБ как «дискредитировавшую себя фигуру», считая, что дальнейшие переговоры по «берлинскому вопросу» стоит вести через американского посла по особым поручениям Л. Томпсона и посла СССР в США А.Ф. Добрынина⁴⁷. Однако действия Громыко вполне соответствовали моменту. Кремль стремился переключить внимание Белого дома на Берлин и выиграть время для главного — наращивания группировки на Кубе и приведения в боеготовность советских ракет на острове⁴⁸. Слова советского министра иностранных дел, как и заявление ТАСС от 11 сентября, в этом смысле можно рассматривать в качестве своеобразной дымовой завесы⁴⁹.

Уже 17 октября администрация Белого дома склонялась к тому, что «вероятность скорого и серьезного вызова нашим интересам в Берлине со стороны Советов с каждым днем становится все больше»⁵⁰. После бесед Кеннеди и Раска с Громыко степень тревожности в американских оценках, посвященных возможным советским действиям в Берлине, возросла. В специальной справке, подготовленной ЦРУ 19 октября, было отмечено: «Поскольку СССР не решится начать мировую войну и не может надеяться на то, чтобы превалировать на местах (т.е. на Кубе. — *И.М.*), то Советы явно будут рассматривать варианты ответных действий за пределами Кубы. ...Наиболее вероятной точкой для реализации ответных действий за пределами Кубы является Берлин. Советы могут оказать здесь серьезное давление, перерезать доступ к городу или даже организовать блокаду вместе или отдельно с подписанием сепаратного мирного договора [с ГДР]»⁵¹. В докладе, подготовленном Объединенным советом стратегических исследователей (экспертной группой в структуре КНШ) и обсуждавшемся на заседании СНБ 20 октября 1962 г., подчеркивалось: «СССР не начнет мировой войны в качестве прямого ответа на американские военные действия против Кубы. Наиболее вероятно, что СССРотреагирует действиями на море, акцией против Ирана или спровоцировав “инцидент” с М[ежконтинентальными]Б[аллистическими]Р[акетами] на [американском] тихоокеанском полигоне (остров Джонстона). Вполне можно ожидать также резких и серьезных действий по вторжению в Берлин, исключая прямой захват [западных секторов города]»⁵².

Для указанных американских оценок было характерно два важных просчета. Во-первых, в них недооценивалась решимость Кремля дать отпор возможному американскому десанту на Кубу. На заседании Президиума ЦК КПСС 22 октября Хрущев, отметив стремление СССР «припугнуть, сдержать США в отношении Кубы» и посетовав на то, что «мы не сосредоточили всего, что хотели», констатировал: «Трагичное — они могут напасть, мы ответим. Может вылиться в большую войну»⁵³.

Во-вторых, американские аналитики переоценили степень приоритета, которую осенью 1962 г. Кремль отводил «берлинскому вопросу», пусть давление по нему и не исключалось. 24 октября, беседуя с польскими дипломатами в Гаване, посол СССР на Кубе А.И. Алексеев намекнул на возможность ответных советских действий в других частях света, в частности в Берлине, полагая все же, что с Вашингтоном удастся договориться⁵⁴. Во время переговоров с представителями кубинского руководства в ноябре 1962 г. Микоян, давая трактовку событий Карибского кризиса, не раз намекал на возможность «применения контрмер в Берлине». Они могли стать способом давления на США в ответ на блокаду Кубы: «Соотношение сил в мире связывает американцев. Привел аргументы о возможностях нажима в Берлине и других местах»⁵⁵. Примечательно название одного

⁴⁷ Klein to Bundy, 28 October 1962 // Ibid. P. 403–404.

⁴⁸ Протокол № 60. Заседание 22 октября 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. С. 617.

⁴⁹ Рыбас С.Ю. Громыко. Война, мир и дипломатия. М., 2011. С. 243.

⁵⁰ Memorandum for the President, 17 October 1962 (1st Draft, Col. Armstrong) // JFKPLM.

⁵¹ CIA Documents on the Cuban Missile Crisis. P. 202.

⁵² Цит. по: Freedman L. Kennedy's Wars: Berlin, Cuba, Laos, and Vietnam. Oxford, 2000. P. 450.

⁵³ Президиум ЦК КПСС. С. 617–618.

⁵⁴ Jeleń to Krajewski, 24 October 1962 // The Global Missile Crisis at 50. P. 480.

⁵⁵ Микоян — ЦК КПСС, 20 ноября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoyan.

из пунктов повестки дня заседания Президиума ЦК КПСС 22 октября «Об определении позиций по дальнейшим шагам в отношении Кубы и Берлина» (правда, в протоколе заседания какие-либо упоминания о действиях в Берлине отсутствовали)⁵⁶.

Все же «кубинский вопрос» был тогда приоритетным для Кремля, и потенциальное давление в Берлине должно было облегчить положение Кубы и советских войск, а не наоборот. 23 октября во время переговоров с румынской делегацией в Москве Хрущев подчеркнул, что «берлинский вопрос» потерял прежнюю актуальность⁵⁷. Беседуя с чехословацкой делегацией 30 октября, глава советского правительства отметил, что накануне наиболее острой фазы кризиса вокруг Кубы «мы и американцы говорили о Берлине. Обе стороны преследовали одну и ту же цель, а именно — отвлечь внимание от Кубы: американцы — желая напасть на нее, а мы — дабы заставить США нервничать и отложить нападение на Кубу»⁵⁸. Если Хрущев недооценил степень реальной американской озабоченности «берлинским вопросом», то советская позиция была изложена им достаточно ясно.

Несмотря на рост обеспокоенности Вашингтона по поводу возможных советских действий в Берлине, американские власти считали, что перевес сил на их стороне, и при необходимости они смогут ответить СССР не только в Карибском море, но и в Европе. Как подчеркивал Нитце, даже «в нынешнем контексте ситуации вокруг Кубы мы располагаем существенными стратегическими резервами для усиления Европы... Вне зависимости от времени реализации планов по Кубе, видоизмененная первая группировка (для увеличения сил в Европе. — *И.М.*) будет включать две армейские дивизии, вооружения для которых уже находятся в Европе, третью армейскую дивизию без средств поддержки, а также 10 эскадрилий тактических истребителей, взятых из сил, предназначенных для Кубы или мобилизованных из резервов»⁵⁹. От рассматривавшихся параллельно более радикальных вариантов (например, от размещения в Западном Берлине ядерного оружия) в итоге было решено отказаться⁶⁰.

Тем не менее о полной успокоенности в Вашингтоне по поводу ситуации в Берлине речи не шло. Не исключая советской блокады Западного Берлина в ответ на американский карантин вокруг Кубы, в ЦРУ исходили из того, что критических запасов в городе хватит на шесть месяцев. Однако в качестве решающих рассматривались не экономические, а психологические факторы: перспектива долгой блокады могла привести к деградации морально-психологического состояния западных берлинцев⁶¹. В Белом доме были склонны соглашаться с подобной оценкой: «При условии длительной блокады... моральное состояние берлинцев рухнет. Никто не будет вести ядерную войну за умирающий город»⁶². И Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 8 января 1962 г. говорил, что «мы сейчас создаем трудности для Западного Берлина, и они сами говорят, что это может привести к вымиранию»⁶³.

22 октября в Вашингтоне Нитце стремился доказать послам и военным представителям Великобритании, Франции и ФРГ, что США категорически не могут согласиться с наличием советских ракет на Кубе. Нитце не исключал, что в долгосрочной перспективе СССР стремится к выводу американских войск из Западного Берлина: «Безусловно, США уже на протяжении определенного времени живут под угрозой [советских] МБР, однако советские действия на Кубе носят экстремальный характер. Они меняют баланс

⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. С. 617.

⁵⁷ Report by Mănescu, 30 October 1962 // The Global Missile Crisis at 50. P. 518.

⁵⁸ Minutes of Conversation between the Delegations of the CPCz and the CPSU, 30 October 1962 // Ibid. P. 401.

⁵⁹ Memorandum for the President, 27 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 402.

⁶⁰ Record of Meeting № 1 of the Berlin-NATO Subcommittee, 24 October 1962 // Ibid. P. 396.

⁶¹ Smith to McCone, 23 October 1962 // Ibid. P. 395.

⁶² The Defense of Berlin if Cuba is Blockaded, 19 October 1962 // JFKPLM.

⁶³ Президиум ЦК КПСС. С. 538.

сил»⁶⁴. Из обсуждения подкомитетом Нитце вопроса, как на ситуации вокруг Берлина могут сказаться американские меры по расширению карантина вокруг Кубы или американское вторжение на остров, ясно, что решающим для Вашингтона является именно положение дел по «кубинскому вопросу»⁶⁵. Схожим был настрой администрации Белого дома. При рассмотрении потенциальной советской блокады Западного Берлина в ответ на карантин Кубы, вариант, при котором Москва потребует отказа от карантина в обмен на снятие блокады, считался «очевидным проигрышем для США»: «Кастро все так же будет находиться у власти. Вооружения будут там же, а скрытые поставки продолжаться»⁶⁶.

План по вторжению на Кубу под кодовым обозначением OPLAN 316–62 был готов уже к началу 1962 г., однако в ходе Карибского кризиса его постоянно дорабатывали и уточняли сотрудники КНШ. Базовый сценарий плана предполагал десантирование группировки в 146 700 человек с возможным применением ею тактического ядерного оружия. Американцы допускали аналогичные действия со стороны советских войск на Кубе, что соответствовало действительности⁶⁷. Как подчеркивал Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 22 октября: «Если десант — тактическое атомное оружие, а стратегическое — до указания»⁶⁸.

Подобное вторжение, как следовало из расчетов американского командования, сопровождалось бы серьезными потерями: около 18,5 тыс. человек. Более того, не исключалось, что даже после нанесения авиационных ударов 10–15% советских ракет с ядерными боеголовками не будут повреждены и смогут ударить по США, что было неприемлемо для политического руководства⁶⁹. При этом «ястребы» в Вашингтоне, как, например, генерал Тэйлор, ставший к тому времени председателем КНШ, продолжали призывать Кеннеди организовать вторжение, несмотря ни на что⁷⁰.

Суммировавший американский подход меморандум по национальной безопасности № 109 от 23 октября 1961 г. содержал схему реагирования на обострение ситуации в Западном Берлине. Она включала четыре фазы: от использования пехотного взвода для деблокирования города и эскорта истребителей для транспортных самолетов на случай «воздушной блокады» до применения ядерного оружия, которое приведет к мировой войне⁷¹. Вашингтон стремился транслировать свой концептуальный замысел в конкретные натовские военные планы, добившись к августу 1962 г. определенного успеха⁷².

Однако, как подчеркивал Дж. Кеннеди в послании Ш. де Голлю от 12 октября, согласование планов между союзниками по НАТО на случай возникновения экстренной ситуации вокруг Берлина, а также разработка мер по единому контролю и быстрому реагированию на возможные советские действия оставляли желать лучшего⁷³. Особенное раздражение Кеннеди и Тэйлора вызывала запрограммированная медлительность в реализации казавшихся даже относительно простыми действий западных держав (например, выдвижение взвода для прощупывания советских мер по блокировке дорог к Западному Берлину могло произойти лишь через 48 часов после принятия решения)⁷⁴. Аналогичным был

⁶⁴ FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 393.

⁶⁵ Klein, Legere to Bundy, 27 October 1962 // JFKPLM.

⁶⁶ The Defense of Berlin if Cuba is Blockaded, 19 October 1962 // Ibidem.

⁶⁷ Desch M.C. “That Deep Mud in Cuba”: The Strategic Threat and U.S. Planning for a Conventional Response during the Missile Crisis // Security Studies. 1991. Vol. 1. № 2. P. 337–338.

⁶⁸ Президиум ЦК КПСС. С. 617–618.

⁶⁹ Desch M.C. Op. cit. P. 340.

⁷⁰ May E.R., Zelikow P.D. The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis. Cambridge (Mass.), 1997. P. 82–83.

⁷¹ NSAM № 109, 23 October 1961 // JFKPLM. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/332/JFKNSF-332-011> (дата обращения: 01.06.2023).

⁷² MCM-98-62, Memorandum for the Members of the Military Committee in Permanent Session, 20 August 1962 // NATO Archives. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_archives/19620820-DP-MCM-98-62-ENG.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

⁷³ Kennedy to de Gaulle, 12 October 1962 // JFKPLM.

⁷⁴ Status of Contingency Planning and Machinery for Execution, 11 October 1962 // Ibidem.

настрой Раска, стремившегося 18 октября активизировать работу четырехсторонней посольской группы в Вашингтоне (представитель Госдепартамента, послы Великобритании, Франции и ФРГ) с целью детализировать планы и укрепить институциональные структуры западных стран, дабы те могли «обеспечить наиболее эффективный ответ на советские действия в Берлине»⁷⁵.

В неподписанном меморандуме «Оборона Берлина в случае блокады Кубы» от 19 октября, отложившемся среди бумаг Кеннеди, подчеркивалось, что эвентуальные решительные действия США в Западном Берлине могут не получить полноценной поддержки от союзников по НАТО, за исключением ФРГ. Имевшиеся совместные планы характеризовались «медлительностью в реализации, были неполными, их выполнение зависело от решимости союзников, которая находится в неопределенном состоянии даже в настоящее время»⁷⁶. При этом сам Белый дом хотел избежать изолированных действий США, которые могли подорвать единство союзников по НАТО⁷⁷.

В обоих кризисах крайне важным для Вашингтона было продемонстрировать свою решительность и не позволить Москве считать, что США готовы идти на принципиальные уступки под давлением СССР. 28 октября, оправдывая прошлые американские действия в ходе Карибского кризиса, Госдепартамент стремился убедить европейских союзников, что «США не могли терпимо отнестись к наличию советских ракет на Кубе. Необходимо было ликвидировать эти ракеты, дабы мировое сообщество было уверено в готовности США выполнить свои обязательства, в том числе те из них, которые связаны с Берлином»⁷⁸. Схожим был настрой Кеннеди. Он полагал, что американские власти должны ответить не размещение советских ракет на Кубе и не допустить их развертывания в силу резонов не только безопасности Соединенных Штатов, но и международного влияния. Р.Ф. Кеннеди вспоминал, что его брат осознавал «угрозу, создаваемую размещением все большего количества [советских] ракет на Кубе, а также вероятность того, что русские, если мы ничего не предпримем, активизируются в Берлине и в других частях мира, чувствуя, что Соединенные Штаты абсолютно беспомощны»⁷⁹.

В проведении параллелей между ситуацией вокруг Берлина и Кубы ключевым является стратегическая взаимосвязь между различными фронтами холодной войны. Советские войска на Кубе и западные войска в Берлине были заложниками в руках доминировавшей в регионе силы. Это обстоятельство хорошо создавали и в Москве, и в Вашингтоне. Как подчеркивал Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 8 января 1962 г., «нам лучше иметь Западный Берлин для обострения с Западом, чем давать уступки»⁸⁰. Кеннеди, в свою очередь, заверял правящего бургомистра Западного Берлина В. Брандта, что «если бы не Берлин, то мы свободно могли начать действия на Кубе»⁸¹.

Как Берлинский, так и Карибский кризисы в определенной степени стали «тестированием» границ сфер влияния СССР и США. В обоих случаях Москва проявила инициативу. Хотя результаты кризисов были неоднозначными, не говоря уже о созданных ими военно-политических рисках, по их итогам советское руководство уверилось в прочности сферы интересов СССР в Европе, а также в возможности теснить «мировой империализм» в других точках земного шара. Микоян, выступая перед советскими военными на Кубе, говорил, что операция «Анадырь» была беспрецедентной для Советского Союза и фактически стала попыткой закрепиться в стратегическом предполье Соединенных

⁷⁵ Klein to Bundy, 18 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 388.

⁷⁶ The Defense of Berlin if Cuba is Blockaded, 19 October 1962 // JFKPLM.

⁷⁷ Memorandum by Armstrong (Draft), 12 October 1962 // Ibidem.

⁷⁸ Department of State to the Mission to the NATO and the European Regional Organizations, 28 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 405.

⁷⁹ Kennedy R.F. 13 Days: The Cuban Missile Crisis, October 1962. London, 1969. P. 40.

⁸⁰ Президиум ЦК КПСС. С. 544.

⁸¹ Record of Meeting between Kennedy and Brandt, 5 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 347.

Штатов: «Соглашаясь на ненападение на Кубу и заявляя об этом, тем самым США как бы признают, что в отношении Кубы доктрина Монро летит к черту»⁸².

В Вашингтоне, напротив, считали, что победителями из Карибского кризиса вышли именно США. Кеннеди «имел основания полагать, что кризис дал ему второе дыхание и возможность заняться внешнеполитическими проблемами, которые пострадали из-за неудачного саммита в Вене, берлинского кризиса и, конечно, Кубы»⁸³. Вместе с тем, когда речь шла о перспективах решения «берлинского вопроса», оценки были очень сдержанные.

Нитце исходил из того, что Карибский кризис продемонстрировал Советскому Союзу твердость США в отстаивании своих интересов, что могло создать необходимые условия для более гибкой позиции Москвы по «берлинскому вопросу». Вместе с тем он не исключал, что Кремль может усилить давление на Берлин с целью «вернуть потерянный престиж». По мнению Нитце, Вашингтону стоило попытаться договориться с Москвой по сокращению ядерных вооружений ОВД и НАТО и поиску *modus vivendi* в Берлине, поскольку в противном случае новый Берлинский кризис почти неизбежен⁸⁴. Советник СНБ по Европе и Канаде Д. Клейн, исходя из похожих посылок, также призывал Белый дом выступить с инициативой заключить договоренность по «берлинскому вопросу», используя канал Томпсон – Добрынин⁸⁵.

Однако сам Томпсон смотрел на ситуацию иначе: американские инициативы будут восприняты в Москве как попытка давления, причем по «жизненно важному для Кремля вопросу», т.е. по Берлину. С точки зрения американского дипломата, по «берлинскому вопросу» Москва будет сопротивляться упорнее, чем по кубинскому; возможные советско-американские переговоры стоило начинать с иных сюжетов (разоружение, прекращение ядерных испытаний, пакт о ненападении между ОВД и НАТО)⁸⁶. Примечательно, что даже заместитель Банди, экономист У. Ростоу, считавший, что СССР потерпел «военную и политическую неудачу» в ходе Карибского кризиса, предостерегал от грубого давления на Москву по «берлинскому вопросу». Как и Томпсон, Ростоу считал, что в системе приоритетов Кремля этот вопрос стоит выше, чем кубинский⁸⁷.

Кеннеди был обеспокоен, с одной стороны, «возможными европейскими настроениями по поводу того, что Соединенные Штаты спровоцировали Берлинский кризис своими действиями на Кубе» (если бы ситуация вокруг Берлина действительно обострилась)⁸⁸. Президент США стремился избежать зарождения подозрений у союзников по НАТО, что Вашингтон добьется советских уступок по Кубе, сдав позиции по «берлинскому вопросу»⁸⁹. С другой стороны, Кеннеди отнюдь не собирался лишать себя свободы рук в решении «кубинского вопроса» и ставить американские действия в зависимость от одобрения западноевропейских лидеров.

В итоге 21 октября 1962 г. были отправлены специальные миссии в Лондон (во главе с сотрудником ЦРУ Ч. Купером), а также в Париж и Бонн (во главе с бывшим госсекретарем Д. Ачесоном). Они предоставили лидерам западноевропейских государств базовую информацию о сложившейся ситуации, а также продемонстрировали фотографии

⁸² Выступление Микояна на Военном совете группы Плиева, 21 ноября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoian.

⁸³ *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск... С. 484.

⁸⁴ Nitze to Kennedy, s.d. // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 411–418.

⁸⁵ Klein to Bundy, 28 October 1962 // Ibid. P. 403–404.

⁸⁶ Klein to Bundy, 29 October 1962 // Ibid. P. 406–407.

⁸⁷ Memorandum by Rostow for the ExComm of the NSC, 2 November 1962 // Digital National Security Archive. URL: <https://www-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679064866/fulltextPDF/7D3B0C677FF64FA1PQ/2?accountid=108701> (дата обращения: 01.12.2021).

⁸⁸ Klein, Legere to Bundy, 24 October 1962 // JFKPLM.

⁸⁹ Memorandum of Conversation between Rusk and Couve de Murville, 7 September 1962; Smith to McCone, 23 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 313, 395.

американской разведки, подтверждавшие наличие советских ракет на Кубе. Как и полагали в США, европейские союзники преимущественно одобрили и поддержали действия Вашингтона. В наименьшей степени, как считали американские аналитики, эти чувства проявились в Италии и Норвегии⁹⁰.

Однако реальная ситуация была сложнее: у К. Аденауэра, Ш. де Голля и Г. Макмиллана имелось разной степени недовольство по поводу того, что США не согласовывали с союзниками собственные действия в Карибском кризисе. Существовали опасения, углубяемые в Вашингтоне, что американские успехи на Кубе могут быть «куплены» уступками по Берлину⁹¹. Нитце предупреждал, что в будущем западноевропейские страны захотят, чтобы их точка зрения учитывалась более полно⁹².

Переключка между Берлинским и Карибским кризисами видна даже в одном из натовских планов на случай чрезвычайной ситуации в Берлине («Маркон-6»). США и союзники в ответ на давление СССР могли организовать «блокаду, а также заставить корабли советского блока обходить определенные территории или лишить их доступа туда»⁹³. Как отмечал российский историк А.В. Пилько, «сценарий этой операции напоминает введенный США в октябре 1962 г. “карантин” с целью не пропустить советские военные поставки на Кубу. Таким образом, Берлинский кризис переключается с Карибским»⁹⁴.

Нитце также говорил о переключке: «Одна из причин использования термина “карантин”, а не “блокада” для характеристики американских действий против Кубы заключалась в том, чтобы «избежать связи, которую Хрущев хочет установить между кубинским и берлинским “вопросами”»⁹⁵. В Вашингтоне не исключали, что СССР все-таки «отзеркалит» американские меры против Кубы соответствующими действиями против Западного Берлина: советские власти могут потребовать досмотра грузов, поступающих в Западный Берлин, на предмет наличия в них наступательных вооружений, по аналогии с американским досмотром советских кораблей, следовавших на Кубу⁹⁶.

Подытоживая, можно констатировать, что в стратегических оценках руководства сверхдержав в 1961–1962 гг. Берлинский и Карибский кризисы были связаны друг с другом. Кремль, настроенный в отношении ситуации по Берлину максимально решительно до августа 1961 г., затем использовал «берлинский вопрос» для камуфлирования собственных приготовлений по Кубе. По всей видимости, опция несилового давления на Западный Берлин сохранялась и в период Карибского кризиса, однако документальные свидетельства по данному вопросу остаются скудными. Для Белого дома строительство Берлинской стены не явилось столь выраженным рубежом в развитии кризиса, как для Кремля. В 1961–1962 гг. в Вашингтоне опасались, что СССР не оставил намерений тем или иным образом выдвинуть западные войска из Берлина; на протяжении долгого времени «кубинский вопрос» рассматривался американскими аналитиками через призму берлинского, а не наоборот.

Все же в условиях Карибского кризиса ситуация вокруг Кубы стала предметом основных забот руководства США. При этом в различных структурах американского правительства не исключали, что Москва попытается увязать два вопроса: нажимом в

⁹⁰ Hilsman to Rusk, 28 October 1962 // The Cuban Missile Crisis @ 60.

⁹¹ Macmillan to Kennedy, 22 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 10–12. Microfiche Supplement. Washington, 2021. P. 1144; Memorandum of Conversation between Adenauer and Acheson, 23 October 1962 // The Global Missile Crisis at 50. P. 625.

⁹² Nitze to Kennedy, s.d. // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 414.

⁹³ MCM-98-62, Memorandum for the Members of the Military Committee in Permanent Session, 20 August 1962 // NATO Archives. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_archives/19620820-DP-MCM-98-62-ENG.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

⁹⁴ Пилько А.В. Указ. соч. С. 95.

⁹⁵ Record of Meeting of the Military Sub-Group of the Washington Ambassadorial Group, 22 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 392.

⁹⁶ Nitze for ExComm, 26 October 1962 // JFKPLM.

Западном Берлине в ответ на американские действия против Кубы, требованием американских уступок по «берлинскому вопросу» в ответ на советские уступки по кубинскому.

Библиография / References

- Борисова К.А., Манькин А.С.* Влияние Берлинского кризиса на формирование архитектуры европейской безопасности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2021. № 5. С. 10–17.
- Веттиг Г. Н.С.* Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007.
- Зубок В.М., Водопьянова З.К.* Советская дипломатия и берлинский кризис (1958–1962) // Холодная война. Новые подходы. Новые документы / отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 258–274.
- Ледовский А.М.* Из Архива Президента РФ. Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 79–113.
- Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.
- Пилько А.В.* НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 82–97.
- Рыбас С.Ю.* Громыко. Война, мир и дипломатия. М., 2011.
- Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2021.
- Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса. М., 2006.
- Фурсенко А.А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущева: тайная история противника Америки. М., 2018.
- Borisova K.A., Manykin A.S.* Vliyaniye Berlinskogo krizisa na formirovaniye arkhitektury evropejskoj bezopasnosti [Berlin crisis and its influence on the architecture of the European security] // Prepodavaniye istorii i obshchestvoznaniya v shkole [Teaching sociology and history in school]. 2021. № 5. S. 10–17. (In Russ.)
- Filitov A.M.* Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovani [Germany in the Soviet planning of the foreign policy] (1941–1990). Moskva, 2021. (In Russ.)
- Fursenko A.A., Naftali T.* “Holodnaya vojna” Hrushcheva: tajnaya istoriya protivnika Ameriki [Khrushchev’s Cold War: The Inside Story of an American Adversary]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Fursenko A.A., Naftali T.* Bezumnyj risk: sekretnaya istoriya Kubinskogo raketnogo krizisa [One Hell of a Gamble: secret history of Cuban missile crisis]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Ledovskij A.M.* Iz Arkhiva Prezidenta RF. Stalin, Mao Tszehdun i Korejskaya vojna 1950–1953 godov [From the Presidential archives: Stalin, Mao Zedong and Korean war, 1950–1953] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 5. S. 79–113. (In Russ.)
- Pil’ko A.V.* NATO i Berlinskij krizis 1958–1961 godov [NATO and Berlin crisis, 1958–1961] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2012. № 1. S. 82–97. (In Russ.)
- Rybas S.Yu.* Gromyko. Vojna, mir i diplomatiya [Gromyko. War, peace and diplomacy]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Vettig G. N.S.* Khrushchev i Berlinskij krizis 1958–1963 godov: politika ugroz i vozvedeniye Berlinskoy steny [Khrushchev and Berlin crisis, 1958–1963: politics of menaces and Berlin wall construction]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Zubok V.M., Vodopyanova Z.K.* Sovetskaya diplomatiya i berlinskij krizis [Soviet diplomacy and Berlin crisis] (1958–1962) // Kholodnaya vojna. Novye podkhody. Novye dokumenty [Cold War. New approaches. New documents]. Moskva, 1995. S. 258–274. (In Russ.)
- Ausland J.C.* Kennedy, Khrushchev, and the Berlin-Cuba Crisis, 1961–1964. Oslo, 1996.
- Buffet C.* De Gaulle, the Bomb and Berlin: How to Use a Political Weapon // The Berlin Wall Crisis: Perspectives on Cold War Alliances / eds J.P.S. Gearson, K. Schake. Basingstoke, 2002. P. 73–95.
- Cline R.S.* A CIA Reminiscence // Washington Quarterly. 1982. Vol. 5. № 4. P. 88–92.
- Coleman D.G.* The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War // Australasian Journal of American Studies. 1999. Vol. 18. № 1. P. 19–41.
- Desch M.C.* “That Deep Mud in Cuba”: The Strategic Threat and U.S. Planning for a Conventional Response during the Missile Crisis // Security Studies. 1991. Vol. 1. № 2. P. 317–351.
- Freedman L.* Kennedy’s Wars: Berlin, Cuba, Laos, and Vietnam. Oxford, 2000.
- Gavin F.J.* The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s // The International History Review. 2001. Vol. 23. № 4. P. 847–875.
- Kaplan F.* The Wizards of Armageddon. 2nd ed. Stanford, 1991.
- Kennedy R.F.* 13 Days: The Cuban Missile Crisis, October 1962. London, 1969.
- May E.R., Zelikow P.D.* The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis. Cambridge (Mass.), 1997.
- Sayle T.A.* Enduring Alliance: A History of NATO and the Postwar Global Order. Ithaca, 2019.
- Trachtenberg M.* The Making of the European Settlement, 1945–1963. Princeton, 1999.
- White M.* Missiles in Cuba: Khrushchev, Castro and the 1962 Crisis. Chicago, 1998.
- White M.* The Cuban Missile Crisis. Basingstoke, 1996.